

К 30-ЛЕТИЮ ИНСТИТУТА
ПСИХОЛОГИИ РАН

ПСИХОЛОГИЯ РЕЧИ И ПСИХОЛИНГВИСТИКА
В ИНСТИТУТЕ ПСИХОЛОГИИ РАН

© 2001 г. Т. Н. Ушакова

Член-корр. РАО, доктор психол. наук, профессор, главный науч. сотр. ИП РАН, Москва

Описываются результаты исследований коллектива сотрудников Лаборатории психологии речи и психолингвистики в Институте психологии РАН в последнем пятилетии. Изучалась природа речи и ее функционирование в жизни индивида и общества. Ведущая тема – интенциональная организация речи – исследовалась на материале анализа современных общественно-политических текстов в нашей стране. Проведена разработка метода интент-анализа текстов и оценка его валидности. Выявлена внутренняя интенциональная структура анализируемых материалов, показана их иерархическая организация, динамика во времени, индивидуальные и ситуативные вариации. Обнаружена система интенциональных представлений, транслируемых средствами массовой информации. Анализировалась специфика речевых воздействий в различных социальных ситуациях. Прослежено развитие интенциональности в онтогенезе. Развита психологическая модель аргументативной стратегии. Проведена разработка проблемы текстовой экспертизы. Разработана психологическая модель метафоры. Исследовались проблемы семантики и речевой диагностики.

Ключевые слова: природа речи и ее функционирование, сознание, интенции, интент-анализ, коммуникация, конфликтные дискуссии, ментальные карты, метафора, аргументация, социальные представления.

Область работы коллектива сотрудников лаборатории психологии речи и психолингвистики Института психологии РАН – исследование природы речи и ее функционирования в жизни индивида и общества. Такое широкое определение объекта обусловлено тем, что речь понимается с психологической точки зрения как центральная функция человеческой психики, осуществляющаяся в теснейшей связи со всеми когнитивными и эмоциональными структурами, вплетенная в поведение и личностные проявления человека, его социальные взаимодействия, обеспечивающая полноценное развитие и существование субъекта в обществе. Обнаруживаемая многофакторность состава речи позволяет выделить в ней социальный и природный компоненты. Их изучение показало необходимость понимания речи как социального инструмента, направленного на индивидуальные и групповые воздействия, а также как проявление природных законов в ее развитии и функционировании.

При обширности сферы научных проблем, встающих для ученого при ее познании, коллектив лаборатории психологии речи и психолингвистики в разное время делал акцент в исследованиях на различных сторонах своего объекта.

Последнее пятилетие особое внимание в теоретических и практических разработках было направлено на тему интенциональной организации речи, что получило поддержку РГНФ и РФФИ,

нашло отражение в публикациях сотрудников: коллективной монографии, защищенной докторской и трех кандидатских диссертациях, ряде статей в ведущих российских и зарубежных научных журналах, выступлениях на российских и международных конференциях.

Для полного ознакомления с теоретическими основаниями, эмпирической и методической разработками темы речевой интенциональности, полученными результатами необходимо обратиться к самим публикациям. В данной статье мы представим лишь основные линии разработок. Понятие речевой интенции опирается на идею, согласно которой речевая функция состоит в выведении вовне, “экстериоризации”, семантических состояний говорящего субъекта (“состояний его сознания и субсознания”), что обычно происходит с включением посредствующих языковых механизмов [27, 32, 33]. Это значит, что в основе вербализации, говорения заложен иницирующий интенциональный импульс, который по своей функции является формой желания, намерения сказать нечто. Такого рода интенциональность, мотивированность речи имеет, по нашей гипотезе, органические основания в особенностях функционирования мозга человека и особенно ясно проявляется в раннем детском возрасте. Взрослые социально адаптированные люди, вступая в общение, как правило, не столько простоудушно выражают то, что у них на уме, сколько, соответ-

ственным образом организуя свою речь, стремятся к достижению целей. Эти цели нередко бывают сложными, порой скрываются говорящим и маскируются показными интенциями для оказания желаемого воздействия. Как показывают полученные в научном коллективе факты, интенциональные направленности говорящего часто образуют достаточно сложную структуру, устремлены на оказание воздействия на слушателей.

Несмотря на разнообразие форм проявления интенций, они организованы по законам языка таким образом, чтобы слушатели могли воспринять их общую направленность и уловить в высказывании одобрение, порицание, угрозу и т.п. Исследование интенциональных форм дает поэтому ключ к пониманию способов словесных побуждений и воздействий. Соответственно, знание правил интенционального построения вербальных высказываний, особенно в случаях важных письменных или устных выступлений, может помочь автору текста, дискурса.

Исследовательская работа проводилась путем анализа современных общественно-политических выступлений в нашей стране. На первых порах изучались тексты конфликтного типа, относительно легко поддающиеся анализу. Позднее в работу были введены более сложные материалы: предвыборные выступления кандидатов на пост президента России. Круг исследовательских факторов был расширен при обращении к изучению диалогических интенций. Материалом для их изучения послужили телевизионные диалоги, происходящие между ведущим программу журналистом и его собеседниками – политическими и общественными деятелями. Расширение темы произошло также при обращении к выступлениям, опубликованным в средствах массовой информации. Это позволило войти в сферу крупной темы социальной психологии – социальных представлений, формирующихся в обществе и оказывающих влияние на течение социальных процессов.

В одном из ранних исследований текстов конфликтного характера [32] выявлена такая особенность их интенциональной структуры, которую можно характеризовать как “конфликтный треугольник”, а именно: в сознании говорящего субъекта доминируют три вида объектов, которые он обсуждает – оппоненты, противники (категория “они”); говорящий и его сторонники (категория “мы”); аудитория. Каждый объект “конфликтного треугольника” связан со своей совокупностью интенциональных направленностей. Противнику (категория “они”) дается отрицательная оценка, представляются обвинения, разоблачение, угроза и др. Категория “мы” связана с положительной оценкой, одобрением своих качеств и действий, отводом обвинений, т.е. апологизацией. В адрес третьей стороны высказыва-

ется то критика, то похвала, порой на нее оказываются прямые побудительные воздействия.

Формы выражения конфликтности индивидуально и ситуативно вариативны. Наибольшая конфликтность выражается в максимальной нагруженности и заостренности категории “они”, что подчеркивается прямым названием имен обвиняемых людей, употреблением предельно жестких характеристик (“предатели”, “нечисть”, “ворье”, “преступники”, “обобрали народ” и др.). Степень конфликтности отражается также в мере сбалансированности или дисбалансированности речевых высказываний, относящихся к категориям “они” и “мы”. Резкое преобладание обвинительно-разоблачительных высказываний – свидетельство остроты конфликта. Показателем также характер выраженных автором интенций негативного типа (угроза, демонстрация силы или обвинение). Индивидуальные особенности проявляются и в том, какой процент текста содержит интенции конфликтного характера и что представляет другая его часть. Наконец, определенная информация содержится в динамике интенциональных актов, их развертывании во времени и периодичности смены негативных (в адрес оппонента) и позитивных (в свой адрес) высказываний.

Вслед за исследованием дискурса конфликтного характера были проведены циклы других работ. В одном из них [33] изучались тексты выступлений в ситуации предвыборной борьбы претендентов на пост президента РФ в 1996 году.

Результаты показали, что в рассматриваемых текстах также выделяется интенциональная структура типа “конфликтного треугольника” (категории “мы”, “они”, “третья сторона”). Однако эта структура обычно дополнена категорией направленности на анализ ситуации. Элементы анализа, рассуждений, аргументирования составляют порой значительную долю высказываний, образуя как бы “четвертый угол” интенциональной структуры. Обнаружено также, что количество выражаемых в тексте интенций заметно увеличивается, возрастает их разнообразие в рамках одного текста. Вместе с тем в границах избранной позитивной, негативной или нейтральной установок используется своего рода “корневая” интенция: именно она применяется наиболее часто (например, самопрезентация, обвинение и др.). Особенностью рассмотренных текстов явилось нечто вроде комплексирования различных, но принадлежащих одной категории, интенций в одном высказывании. Характерным оказалось “размытое” проявление интенций, когда эксперт не может с уверенностью их идентифицировать. Возможно, эта особенность вообще присуща человеческой речи. Не исключено, однако, что политик сознательно или бессознательно использует это как прием, маскируя свою позицию.

Интенциональные особенности речи изучались также в связи с *коммуникативной функцией речи*. В исследованиях **Н.Д. Павловой**, составивших основу защищенной ею в 2000 г. докторской диссертации, речь анализируется в структуре общения и жизненной ситуации (коммуникативный подход) с выделением интенционального и интерактивного аспектов как важнейших составляющих ее коммуникативной функции [26]. Подход является реализацией системной методологии и принципа субъекта в исследовании речевых явлений. С этих позиций роль речи в общении предстает как многоаспектная. Помимо функции сообщения, раскрываются другие составляющие коммуникативной функции: взаимодействие собеседников, регулирование соотношений, оказание воздействий.

Важнейшей составляющей речи как средства общения, выступающей при коммуникативном подходе, является выражение интенционального состояния человека. Как показало исследование на материале диалогов телевизионной передачи “Момент истины”, в условиях общения лицом к лицу интенциональное состояние говорящих в существенных чертах определяет направленность на партнера и текущую коммуникацию. “Диалогические интенции” проявляются в структуре общения, позиции, занятой собеседниками, их взаимоотношениях. Собеседники улавливают интенциональный подтекст, что служит предпосылкой взаимопонимания, координации совершаемых действий и развития разговора [22, 25, 34].

Роль речи не сводится к открытому выражению отдельных намерений (“Я требую” и т.п.). Исследование интенций на модели телевизионной предвыборной кампании кандидатов в президенты России показало, что интенции определенным образом соподчинены. Это позволило обосновать представление об иерархичности интенционального подтекста речи и направленности на адресата (диалогических интенциях) как постоянной компоненте интенционального состояния взрослого говорящего.

С использованием оригинальных методик интен-анализа описаны типовые “предвыборные” интенции и характерные интенциональные структуры выступлений. Показано, что претенденты направлены на себя (апологизация), оппонента (критика), действительность (анализ) и слушателя-избирателя (агитация). При этом направленность на действительность образует *нижний* уровень интенциональной иерархии. Интенции *второго* уровня – апологизация и критика – модифицируют анализ действительности и в свою очередь испытывают влияние направленности говорящего на аудиторию. Направленность на адресата, воздействие, агитацию составляет *верхний* уровень системы. Под влиянием этой обращенности интен-

ции нижних уровней иерархии приобретают конкретное, соотнесенное с адресатом выражение, обеспечивающее адекватное восприятие и пропагандистское воздействие выступления. Интенции скоординированы между собой и иерархичны. За речью – целостное интенциональное состояние субъекта, постоянной компонентой которого в норме у взрослого человека выступает направленность на адресата (собеседника, аудиторию) [34].

Интен-анализ предвыборной кампании выявил также своеобразие выступлений кандидатов в президенты России. Согласно полученным данным, специфика выступлений проявляется в наборе и соотношении типовых интенциональных компонент; конкретных вариантах апологетичных и критических интенций; характерной диалогической направленности, соответствующей представлению кандидатов о своем избирателе.

Наряду с интенциональным аспектом в диссертации исследовалась интерактивная компонента коммуникативной функции речи [26], без учета которой невозможно объяснить, как действия говорящих совмещаются и регулируются. Было показано, что конкретная форма взаимодействий и протекание разговора обуславливаются взаимозависимой динамикой двух линий развертывания дискурса – проблемной, связанной со стоящей перед коммуникантами познавательной задачей, и отношенческой, выраженной в действиях по соотнесению точек зрения и регуляции отношений. Возникающая по ходу обсуждения консолидация (или, напротив, конфронтация) собеседников влияет на форму проблемной активности, последняя в свою очередь сказывается на отношенческом плане взаимодействия и обуславливает возможности дальнейшего развертывания обсуждения. С использованием оригинальной техники анкетирования выявлены также интерактивные стереотипы (“активный слушающий”, “разговорчивый” и др.), которые предусматривают характерные способы включения в разговор, перехвата инициативы, постановки интересующей темы, реагирования на перебивание и пр. Показательные для человека как собеседника, они задают линию ведения разговора и отличают разговорную практику в разных областях окружающей жизни.

Еще одна линия исследований, проводимая **В.В. Латыновым**, сомкнулась со сферой социальной психологии при обращении к коллективной форме дискурса. Дело в том, что авторство дискурса может принадлежать не только отдельным субъектам, но и коллективам, как это бывает в действиях средств массовой информации, транслирующих установочные представления (идеологию) на широкую аудиторию. Такого рода установки являются продуктом коллективных умственных усилий и направлены на формирование тех или иных представлений в обществе. В психо-

логии такого рода представления получили название социальных (С. Московичи и др.) и явились предметом изучения.

Исследование [17] было направлено на выявление системы интенциональных представлений, транслируемых в нашей стране современными средствами массовой информации. Задача работы состояла в описании представлений о социальной структуре общества и центральных институтах власти, содержащихся в периодической печати, и прослеживании динамики их изменений.

Для анализа использовались материалы публикаций ряда газет ("Московский комсомолец", "Российская газета", "Известия", "Советская Россия") за 1992–1995 гг. Была разработана специализированная методика, позволяющая определять, какие институты власти и социальные слои характеризуются газетой как активные, компетентные, позитивно оцениваемые людьми, а какие представляются слабыми, несведущими, аморальными. В результате применения методики к значительному объему материала были получены достаточно однозначные данные, свидетельствующие о продуктивности направления исследования. Показано, что газеты различной политической ориентации последовательно и с выраженной тенденциозностью позитивно представляют одни институты власти и социальные слои и негативно — другие. Направление оценок в значительной степени отражает позицию печатного органа. Отмечается лишь незначительное сходство между анализируемыми газетами в отношении ограниченного круга объектов политического мира. Выбор объектов описания в публикуемых текстах и даваемые им характеристики часто достаточно произвольны, социально-политические оценки нередко неаргументированы. Таким образом, затруднительно говорить о реальности черт и характеристик, приписываемых тому или иному институту власти средствами массовой информации.

В целом данная линия исследования вскрыла факты, касающиеся не только интенционального содержания публикаций видных печатных органов нашей страны, но и в принципе позитивно решила вопрос о возможности и продуктивности применения разрабатываемых представлений к данному объекту. Дополнительно к эмпирическому анализу Латыновым были изучены основные подходы, теории и эффекты массовой коммуникации; выделены главные направления и эффективность влияния средств массовой информации на индивидуальное и групповое сознание; разработан учебный курс "Социология массовой коммуникации", опубликованы коллективные монографии [14, 15, 18].

В исследовании В.А. Цепцова изучались особенности экспертных оценок, составляющих методологическую канву интенмент-анализа. Для экс-

периментальной проверки гипотезы о валидности интенмент-анализа было проведено сравнение экспертных оценок категорий интенциональности текста с оценками "наивных" испытуемых. Осуществлено экспериментальное сравнение двух способов оценки: силами групп экспертов и "наивных" респондентов (потенциально входящих в любую социальную группу).

Результаты сравнения средних данных по группам экспертов и респондентов демонстрировали, что распределение оценок по выделенным категориям интенмент-анализа оставалось однородным для одного текста при рассмотрении его в разных группах. Это позволяет говорить о том, что число категорий интенционального анализа, выделенного экспертами, являлось полным и избыточным. В работе была в целом решена задача оценки согласованности интенмент-категорий, выделяемых при анализе текста политического выступления экспертами, и оценок, даваемых респондентами "аудитории". Категории интенционального анализа и их качественные характеристики, выделяемые экспертами, не вызывают отвержения в группах испытуемых и, следовательно, соответствуют имплицитным (интуитивным) представлениям аудитории [34].

Параллельно с исследованиями, проводимыми на материале политического дискурса, велась разработка концепции интенциональности в аспекте онтогенеза. По материалам лонгитюдного исследования раннего преречевого развития ребенка (0–18 мес.) разработано представление, согласно которому речевая способность формируется на основе врожденных психофизиологических предпосылок (28–31). В возрасте раннего младенчества единые правила функционирования находят свое поэтапное проявление в сфере моторики, детского общения, голосовых актов. Характер первых вокализаций младенца (начиная с крика новорожденного, гуления, лепета и др.) обнаруживает возможность их квалификации как примитивных интенциональностей, выражающих субъективное состояние малыша. В исследованиях Л.А. Шустовой, И.А. Зачесовой, З.С. Бартеневой детей более старшего возраста (3–5 лет, младшие школьники) получены содержательные характеристики интенциональных направленностей детей указанного возраста, что дает материал для построения единой линии развития интенциональных направленностей субъекта (13, 35). Шустова также изучает специфику понимания детских интенций работающих с ними воспитателей, учителей, психологов [39, 40].

В итоге проведения цикла эмпирических исследований достигнуто развитие психологического метода анализа дискурса, названного нами интенмент-анализом. Этот метод основан на выявлении интенциональных направленностей говорящего и

ориентирован на их субъективное оценивание со стороны людей, воспринимающих высказывания и тексты. Метод интент-анализа по его сути является психосемантическим, рассчитанным на субъективное оценивание воспринимаемых высказываний. Общая методическая организация работы состоит в последовательном, шаг за шагом, оценивании экспертом или групповой экспертов авторских высказываний избранного текста. Оценивание проводится по одним и тем же критериям, а именно: чем вызвано данное высказывание, какова его целевая направленность, зачем оно нужно говорящему? Следует при этом сознавать, что субъективный элемент методики, при всей его необходимости, оставляет "точку неустойчивости", возможность субъективизации результатов и нуждается в специальной проработке. В проведенных исследованиях были определены некоторые условия, способствующие усовершенствованию работы и достижению более стабильных результатов.

Отмечена предпочтительность ведения работы группой, включающей трех-четыре эксперта, что оставляет возможность согласованной коррекции их суждений и получения дополнительных фактов о "зонах неразличимости" или "трудной различимости" интенций. Удобно составление оперативного словаря интенций на основе ясных случаев. В отдельных случаях оказывается полезным применение переформулирования анализируемых высказываний с сохранением смысла оригинала.

Особого внимания заслуживает вопрос о надежности результатов, получаемых при проведении интент-анализа. Первоначально это решалось путем введения контрольной процедуры, для проведения которой привлекались дополнительные группы респондентов. Специальному изучению вопрос о надежности экспертного оценивания подвергся в работе Цепцова [34].

Самостоятельный интерес методического подхода представляет предложение Латынова по построению так называемых "ментальных карт", допускающих формализованный способ описания текста [32, 34]. Методика включает компактное и обобщенное представление картины мира субъекта путем "свертывания" анализируемых текстов и последующие статистические процедуры. "Ментальная карта" говорящего дает возможность в синтетической форме отразить представление говорящего о действительности – как оно отражено в произносимых текстах. Она обнаруживает также пласт содержания текста, связанный с выражением автором текста своего отношения к описываемым объектам и авторской характеристикой взаимодействия этих объектов между собой. Сильную сторону данной техники, кроме ее формализованности, составляет также возмож-

ность представления интенциональной структуры говорящего субъекта в целостной и наглядной форме, отражения временной динамики.

Поиску методических средств идентификации интенциональных направленностей, выраженных в тексте, служило исследование К.И. Алексеевым авторских метафор для обнаружения особенностей говорящего субъекта (1–5, 34).

Итак, можно констатировать, что в результате проведенных исследований достигнуто развитие избранной темы. Интенциональные направленности говорящего субъекта предстают как один из важнейших аспектов организации его психической деятельности и практических действий. Обнаруживается, что интенции являются тем иерархически высоким уровнем речевой системы, который тесно связан с личностью говорящего, его устремлениями, предпочтениями, включенностью в практическую жизненную деятельность.

* * *

К охарактеризованному выше направлению исследований относятся и другие исследовательские работы, связанные с индивидуальными предпочтениями сотрудников. Так, В.В. Латынов в соответствии с его общим интересом к социально значимым явлениям изучал процессы межличностного влияния в среде российских менеджеров [16, 19]. Анализировалась специфика воздействия на различных иерархических уровнях, сравнивались стратегии влияния российских и западных менеджеров. Были выделены наиболее часто используемые тактики воздействия, изучена модулирующая роль статусных различий между субъектом воздействия и его объектом. Результаты кросс-культурного сравнения показали, что наряду с определенными различиями российские и зарубежные менеджеры имеют много общего в построении стратегии межличностного влияния.

В.А. Цепцов продолжил изучение экспертных оценок в серии экспертиз, заказанных Институту психологии РАН государственными и негосударственными учреждениями и посвященных актуальным общественно-политическим темам – терроризму, национализму, экстремизму. В качестве интегративного показателя экспертизы он предложил формальный показатель эффективности публичного выступления, позволяющий учесть психологическую специфику текстов.

Им разработана теоретическая модель отображения каузальности в индивидуальном сознании и процесса, описывающего это отображение-аргументации и предложены компьютерные модели аргументативных процессов [36–38]. Среди основных находок автор отмечает "квазиреккурсивную" природу процесса аргументации, отличающую психические процессы человека от машинного алгоритма, и ее нелинейную динамику при на-

рушении ожиданий аргументирующих субъектов. Эта работа велась в сотрудничестве с международной группой, объединяющей представителей ряда лабораторий Франции, Голландии, Израиля, Испании, Швейцарии.

Цепцов разработал ряд методик для изучения процесса аргументации (АРГО, АРГОС), основанных на применении компьютерных комплексов, реализующих имитационную модель диалога. С помощью этих методик вскрыты закономерности принятия решений при анализе аргументативной стратегии (кооперативной, конфликтной). В качестве важнейшего показателя использовался процесс письменного изложения аргументации. В рамках совместного американо-франко-российского проекта им была адаптирована методика "Скрипткелл", предназначенная для экспериментального изучения процесса письма [35], и на ее основе получен ряд новых результатов.

Он разработал также серию практических тренингов, направленных на применение аргументации в ходе деловых переговоров при решении задач обмена благами или ресурсами. Использование тренинга позволило проследить проявление стратегий аргументации в деловом общении в условиях, приближенных к реальным.

Н.А. Алмаев основную тему своей научной работы определил как разработку теоретических и методических средств для описания и моделирования процессов понимания значений. Последние понимаются как характеристика любой доступной для переживания части психики, которая может выражаться в самых различных формах: вербальной, интонационной, музыкальной, в форме сцен анимации и т.п. Описываются интрапсихическая и субъективная сторона значения. Используются психологические понятия, берущие свое начало из феноменологии Э. Гуссерля. Проведено систематическое описание грамматики русского языка с точки зрения тех интенциональных актов, в которых реализуются грамматические значения. Часть моделей (предлоги и частицы) были проверены экспериментально. Результаты этих исследований отражены в диссертационной работе [7], полученном патенте и публикациях (6, 8, 9).

Разрабатывается понятие "психическая энергия", под которым Алмаев понимает информационный ресурс, необходимый для осуществления актов идентификации психических содержаний "для поддержания интенциональности" (Гуссерль). Интенциональность и психическая энергия – две неразрывные, но резко отличные характеристики субъектной стороны значения. Эти понятия развиваются в работе, где музыка выступает как система, кодирующая психические состояния за счет соответствия длительностей и высот звуков процессам запроса энергии и оценкам ее наличного уровня [11].

Совместно с Н.И. Градовской проведено пилотажное исследование восприятия текстов. Основным его результатом можно считать вывод о высокой однородности понимания текста разными людьми и незначительный вклад индивидуальных различий в это понимание (но не в оценку). То же самое было обнаружено в эксперименте дипломницы Л. Ельхимовой в ситуации оценки людьми музыкального произведения по специально выделенным дескрипторам.

Совместно с Градовской, **Ю. Коноваловой** и **А. Цветковой** проведена частичная адаптация методик контент-анализа Готтшалка-Глезер и Халла-Ван дер Кастила. Применены новые средства описания значений на примере интерпретации психосемантических исследований. Демонстрируется возможность конструирования моделей значения, которые точно соответствуют пересечениям значений шкал семантического дифференциала, т.е. фиксируют только то общее, что имеется во всех шкалах с наибольшими факторными весами. Через анализ факторных оценок фоном предлагается интерпретировать процессы понимания значений, стоящие за категоризацией семантического дифференциала [10, 12]. Эта работа Н.А. Алмаева получила вторую премию на отчетной конференции ИПРАН 2001 года.

К.И. Алексеев развил модель метафоры как особой языковой формы. В основе метафоры лежит сопоставление двух объектов, принадлежащих к различным предметным областям. Метафора предполагает использование альтернативной классификации предметов, отличной от традиционной. Показано, что она имеет сложную структуру, в состав которой входят, во-первых, реальные действия по группировке объектов и действия с самими объектами, во-вторых, осмысление этих действий (в терминах признаков предметов и их классов), и, в-третьих, выражение всех этих результатов в речи. Тем самым связываются воедино три аспекта реальности, которые в психологии традиционно обозначаются как деятельность, мышление, речь [3, 5]. Функционирование метафоры в речи изучалось с точки зрения выполнения функций моделирования действительности и эмоционального воздействия. Для каждой конкретной метафоры возможно определить ее ведущую функцию: для "мертвых" метафор – это моделирование действительности, для "живых" – как правило, эмоциональное воздействие. Классификацию метафор по их ведущей функции составляет три типа метафор: 1) обе функции ведущие; 2) ведущая – функция эмоционального воздействия; 3) ведущая – функция моделирования действительности. Развита модель метафоры использовалась в экспериментах по восприятию метафоры детьми и при анализе политического дискурса.

Разработки специально прикладной ориентации ведет в лаборатории Л.А. Шустова. Область ее исследований – школьное общение, педагогический дискурс. Помимо выяснения особенностей педагогического дискурса и анализа разных его форм (урок, внеклассные занятия и пр.) она разрабатывает практику оптимизации речевого общения в школе [39, 40], проводит тренинги речевого общения младших и старших школьников. Ею подготовлен специальный курс “Общение. Человековедение”, который дает школьникам 6–11 лет начала психологических знаний и развивает навыки понимания собеседника и самораскрытия. В 2000 г. авторская программа курса заняла второе место на Всесоюзном конкурсе авторских программ, проведенном ЦСПА “Генезис” и Центром воспитания и социализации МИПКРО.

Шустова разработала представление о гуманистически ориентированном педагогическом общении: показано влияние особенностей мировоззренческой позиции учителя на характер общения и межличностные отношения с учащимися; описаны наиболее распространенные в педагогической среде стереотипы ведения разговора. По результатам исследования подготовлен и апробирован курс “Каждый учитель – психолог”, ставящий целью распространение знаний о речевом общении и выявление путей оптимизации педагогического общения в школе.

Для повышения эффективности школьного общения осуществлено также лонгитюдное исследование преподавательского состава и учеников ряда школ Москвы, Мытищ, Севастополя. Выявлено множество факторов, мешающих эффективности взаимодействия учителей и учащихся: несоответствие декларируемых ценностей и реального поведения (уважение к точке зрения другого/нетерпимость и пр.); рассогласование познавательных установок учителя и учеников; неразвитость навыков вербального общения и др. Полученные данные используются в организации консультативной и коррекционной работ.

Обобщая многолетний опыт практической школьной работы, Шустова готовит методическое пособие, одной из центральных задач которого является описание качественной специфики педагогического общения и разных его форм, а также выявление путей взаимообогащения этих форм.

Н.Б. Михайлова разрабатывает проблему речевой психодиагностики. Ею осуществлена работа по адаптации и применению теста языковой компетентности на материале русского языка (Ц-теста) [20]. Своей публикацией в журнале “Иностранная психология” она привлекла внимание к разработкам Готшалка-Глезер [21].

Закljučая статью, сделаю несколько обобщающих замечаний, отмечу позитивы и негативы проведенной в лаборатории работы.

Обращение к теме речевых интенций как глубинному корню речевого процесса – в целом позитивное начинание. На пути исследования интенций при использовании материала политических выступлений были найдены новые и любопытные факты, показано значение интенций в организации речи. Однако нельзя забывать, что они составляют только верхний слой сложной структуры. Мы так и называли их: “ближайшие” (к речевому продукту) интенции. Несомненно существуют интенции и более глубоких пластов, к которым пока еще не было найдено доступа.

В лабораторных исследованиях интенционального состава речевого процесса изучались преимущественно материалы политического характера. Попытки перенести анализ на литературные и публицистические тексты завершены не были. А это необходимо не только для того, чтобы убедиться во всеобщем характере интенциональной организации текстов, но и для того, чтобы выявить специфику интенциональной структуры текстов разного характера.

Особо отмечу и применяемый в работах метод – интен-анализ, специфичность которого – в принципиально субъективном его характере.

Развившаяся к настоящему времени психосемантика помогает осмыслению путей применения нашего метода. (В лаборатории к настоящему времени уже завершена, хотя еще не защищена кандидатская диссертация О.В. Лапшовой по прямому сравнению метода классической психосемантики и интен-анализа.) В конкретной работе мы направлены искать пути совершенствования метода выявления и характеристики интенций, и на этом пути есть ряд достижений. Тем не менее еще многое предстоит сделать и усовершенствовать.

Не вызывает сомнения то обстоятельство, что интенциональные направленности представляют собой отнюдь не статическую конструкцию в андерграунде звучащей речи. Интенции часто летучи, минимальны, обуславливают появление в речи отдельных слов или даже интонаций. Порой глубинные интенции тщательно завуалированы и подаются через противоположные признаки. Это делает задачу выявления речевых интенций чрезвычайно сложной. В этой связи надежды возлагаются на возможность существенно более продуктивной разработки темы интенциональных оснований речи, при опоре на материалы детской речи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алексеев К.И. Метафора как объект исследования в философии и психологии // Вопросы психологии. 1996. № 2. С. 73–85.
2. Алексеев К.И. Функции метафоры в политической речи // Познание. Общество. Развитие / Ред. и сост. Д.В. Ушаков. М.: Институт психологии РАН, 1996. С. 150–161.
3. Алексеев К.И. Эскиз теории метафоры // Языковое сознание: формирование и функционирование / Отв. ред. Н.В. Уфимцева. М., 1998. С. 68–76.
4. Алексеев К.И. Периодизация понимания аллегории в контексте общих проблем функционирования языка // Проблемы психологии развития. Материалы конференции "Психическое развитие в онтогенезе: закономерности и возможные периодизации", Москва, 19–22 октября 1999 г. М., 2000. С. 302–309.
5. Алексеев К.И. Восприятие метафоры и его виды. Дисс. канд. псих. наук. М.: Институт психологии РАН, 1998.
6. Алмаев Н.А. Интенциональные структуры понимания суждений // Познание, Общество, Развитие / Ред. и сост. Ушаков Д.В. М., 1996. С. 6–23.
7. Алмаев Н.А. Психологические основания выбора слов при построении речи. Дисс. канд. псих. наук. М.: Институт психологии РАН, 1997.
8. Алмаев Н.А. Интенциональные структуры естественного языка: экспериментальное исследование // Психол. журн. 1998. № 5. С. 71–80.
9. Алмаев Н.А. Динамическая визуализация как метод исследования языкового сознания // Языковое сознание. Формирование и функционирование / Ред. Н.В. Уфимцева. М., 1998. С. 77–87.
10. Almayev N.A. Dynamic Theory of Meaning. New Opportunities for Cognitive Modeling // *Web-J. of Formal Computational and Cognitive Linguistics*. 1999.
11. Almayev N.A. How Meaning Might Be Induced By Music // *Proceedings of the 6th International Conference on Music Perception and Cognition*, 5–10 August 2000. Keele, UK.
12. Алмаев Н.А. Измерения фоносемантического пространства. Новый способ интерпретации факторной структуры и факторных очков // *Web-J. of Formal Computational and Cognitive Linguistics (FCCL)*. 2000.
13. Бартенева З.С. Психологическое содержание речи дошкольника в ситуациях общения со взрослыми // Языковое сознание и образ мира / Ред. Н.В. Уфимцева. М., 2000. С. 55–65.
14. Латынов В.В. Неформальная политическая коммуникация (в соавторстве с А.В. Дмитриевым, А.Т. Хлопьевым). М.: РОССПЭН, 1997.
15. Латынов В.В. Политическая коммуникация (в соавторстве с А.В. Дмитриевым). Ростов-на-Дону, 1998.
16. Латынов В.В. Social influence processes among Russian managers (в соавторстве с А.В. Дмитриевым). // *Social knowledge in Russia: Heritage, challenges, perspectives*. Moscow, 1998.
17. Латынов В.В. Исследование социальных представлений методом интен-анализа // Языковое сознание: формирование и функционирование. М., 1998.
18. Латынов В.В. Массовая политическая коммуникация: пределы влияния. М., 1999. (в соавторстве с А.В. Дмитриевым).
19. Латынов В.В., Павлова Н.Д. Тактики социального влияния российских менеджеров // *Прикладная психология*. 1999. № 6. С. 1–8.
20. Михайлова Н.Б. (в соавт. с У. Рацем). Новый метод диагностики речевой компетентности: Ц-тест // *Иностранная психология*. 1996. № 5. С. 72–79.
21. Михайлова Н.Б. Психологический анализ речевого содержания: опыт измерения аффектов агрессии методом Готшалка-Глезер // *Иностранная психология*. 2000. № 12. С. 66–84.
22. Павлова Н.Д. Интен-анализ политических диалогов // Языковое сознание и образ мира. М.: Институт языкознания РАН, 1997.
23. Pavlova N.D. Intentions and Interaction in Communication // *Abstracts of 5th Internat. Congress of the International Society of Applied Psycholinguistics*. Porto, 1997.
24. Павлова Н.Д. Системный подход в исследованиях вербальной коммуникации // *Труды Института психологии РАН*. 1997. Вып. 2. С. 72–78.
25. Павлова Н.Д. Интен-анализ телеинтервью // Языковое сознание: формирование и функционирование. М.: Институт языкознания РАН, 1998. С. 87–100.
26. Павлова Н.Д. Коммуникативная функция речи: интенциональная и интерактивная составляющие. Дисс. докт. псих. наук., М.: Институт психологии РАН, 2000.
27. Ушакова Т.Н. Речь в структуре психики. Труды Института психологии РАН, 1991. Т. 2. С. 3–10.
28. Ушакова Т.Н. Детская речь – ее истоки и первые шаги в развитии // *Психол. журн*. 1999. № 3. С. 59–70.
29. Ушакова Т.Н. Языковое сознание и принципы его исследования // Языковое сознание и образ мира / Ред. Н.В. Уфимцева. М., 2000. С. 13–24.
30. Ushakova T.N. Language Emergence in Infants // *European Psychologist*. 2000. V. 5. No. 3. P. 285–293.
31. Ushakova T.N. Origins of language in infants // *Abstract of the XXVII International Congress of Psychologists*. Stockholm, 2000.
32. Ушакова Т.Н., Латынов В.В., Павлова А.А., Павлова Н.Д. Ведение политических дискуссий. Психологический анализ конфликтных выступлений. М.: Академия, 1995.
33. Ушакова Т.Н., Цепцов В.А., Алексеев К.И. Интен-анализ политических текстов // *Психол. журн*. 1998. № 4. С. 98–109.
34. Ушакова Т.Н., Павлова Н.Д., Латынов В.В., Цепцов В.А., Алексеев К.И. Слово в действии. Интен-анализ политического дискурса. СПб.: Алетейя, 2000.
35. Ушакова Т.Н., Бартенева З.С. Психологическое содержание речи ребенка 3–5 лет // *Вопросы психологии*. № 2. С. 2000. С. 56–65.
36. Zepzov V.A., Gladkov A., Lapshova O. Writing a story text with multimedia extensions: comparing the contri-

- tribution of the working memory // Proceedings of SIG "Writing 2000" Conference. 6–9 September, Verona, Italy, 2000.
37. Zepzov V.A., Barinova N. The cognitive strategies of implicit and explicit argument evaluation // Proceedings of SIG "Writing 2000" Conference. 6–9 September, Verona, Italy, 2000.
38. Zepzov V.A. et al. The contribution of working memory on writing // Proceedings of SIG "Writing 2000" Conference. 6–9 September, Verona, Italy, 2000.
39. Шустова Л.А. Агрессия или защита в общении // "Родники", январь 2000.
40. Шустова Л.А. Что мы можем сделать для своих детей? // "Родники", март 2000.

PSYCHOLOGY OF SPEECH AND PSYCHOLINGUISTICS IN INSTITUTE OF PSYCHOLOGY, RAS

T. N. Ushakova

Correspondent member of RAE, professor, Dr. sci. (psychology), principal res. ass., IP RAS, Moscow

The laboratory's researches on psychology of speech and psycholinguistics for the last five years are presented. There were studied the nature of speech and its functioning in individual life and society. The main subject of researches is intentional structure of speech studied on the data of texts of Russian politicians. The method of texts intent-analysis was elaborated and the estimation of its validity was revealed, their hierarchical organization and dynamics were shown, individual and situational variations were elicited. The system of intentional presentations distributed by mass media is considered. There were analyzed the peculiarities of speech influences in different social situations. Intentionality development in ontogenesis was traced. The psychological model of argumentative strategy was developed. The problem of texts expertise was considered, too. The psychological model of metaphor was put forward. The problems of semantics and speech diagnostics were studied also.

Key words: nature and functioning of speech, consciousness, intentions, intent-analysis, communication, conflict discussions, mental maps, metaphor, argumentation, social presentations.

ПСИХОЛОГИЯ ПОЗНАНИЯ

ВООБРАЖЕНИЕ РЕБЕНКА: ПРИРОДА И РАЗВИТИЕ (СТАТЬЯ ПЕРВАЯ)

© 2001 г. В. Т. Кудрявцев*

* Доктор психол. наук, директор Института дошкольного образования
и семейного воспитания РАО, Москва

На основе логико-психологического анализа раскрывается понимание воображения как универсального свойства сознания в качестве альтернативы до сих пор доминирующему – традиционному. Рассматриваются фундаментальные характеристики воображения – его смысловой реализм и способность “видеть целое раньше частей”. Обсуждается место воображения в структуре креативного потенциала (в том числе – проблема соотношения воображения и мышления), его функции в психическом развитии ребенка. В фокусе внимания оказывается социально-коммуникативная природа, внутренняя позиционность воображения. Затрагивается проблематика методов диагностики и средств развития воображения в педагогической практике, которые иллюстрируются на материалах экспериментальных и проектных разработок автора.

Ключевые слова: воображение, реализм воображения, способность видеть целое раньше частей, смысл, творчество, креативность, диагностика и развитие воображения, развивающее образование.

Данная работа тематически связана со статьей автора, которая была несколько лет назад опубликована на страницах “Психологического журнала” [28]. Как и эта статья, она посвящена анализу фундаментальных образующих человеческой креативности – слагаемых структуры творческих способностей (см. [33]), взятой, в частности, в ее онтогенетической проекции. Здесь мы обратимся к тем из них, что непосредственно характеризуют механизмы *продуктивного воображения*, которое Л.С. Выготский справедливо считал “психологической основой творчества” [8].

Прошедший двухтысячный – год двух знаменательных юбилеев: 70-летия Василия Васильевича Давыдова и 80-летия Якова Александровича Пономарева. По инициативе и под руководством первого в конце 80-х гг. были начаты исследования, ставшие основой настоящей статьи. В лице второго я нашел независимого эксперта самых первых результатов своих еще практически черновых поисков, он счел эти поиски заслуживающими внимания (это был огромный аванс!) и тем самым вдохновил меня на дальнейшую работу. Предлагаемая статья – скромный долг памяти двум замечательным психологам и дорогим мне людям.

* E-mail: vtkud@mail.ru

Адреса в Интернете: официальный сайт – <http://vtk.al.ru>; личная страничка – http://www.maro.newmail.ru/lichnie_str/vtkud

ВОЗМОЖЕН ЛИ РЕАЛИЗМ ВООБРАЖЕНИЯ, ИЛИ КАК РАСТОПИТЬ ПЕЧКУ СИЛОЙ ФАНТАЗИИ (ВООБРАЖЕНИЕ И СМЫСЛ)

Воображение принадлежит к числу главных психических новообразований дошкольного детства. Как показывают исследования Института дошкольного образования и семейного воспитания РАО, следствия развития воображения у дошкольников весьма разнообразны. Это не только высокие творческие достижения в изобразительной или музыкально-исполнительской деятельности, но и полноценная готовность к школьному обучению и даже высокие эффекты психолого-коррекционной и оздоровительной работы с детьми, а также многое другое (см. [16, 33, 34]).

Между тем вопрос о природе детского воображения до сих пор остается предметом острых дискуссий. Его обсуждение не является сугубо “внутренним делом” науки. От того, как мы ставим и решаем этот вопрос, зависит выбор стратегии *развивающего образования* дошкольников [26, 28].

Что же такое воображение? Свободный, необузданный, неподконтрольный логике полет фантазии, выдумывание того, чего в действительности не бывает, пренебрежение реальностью... Химеры и кентавры. Мифы и сказки. Философский камень алхимиков. Планы поворота северных рек вспять. Чем дальше от реальности, тем продуктивнее воображение. Такова позиция *здорового смысла*. Впрочем, долгое время ее придерживалось и большинство исследователей-психологов.